

**Марийцы Москвы: этническая идентичность
и языковая лояльность в условиях
внутренней диаспоры¹**

***Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity
and language loyalty***

Куцаева М. В.

Kutsaeva M. V.

В статье на материале социолингвистического обследования, которое проводилось автором в марийской диаспоре московского региона, исследуется проблема взаимосвязи идентичности и этнического языка, а также соотношения уровня языковой лояльности и сохранности марийского языка.

Ключевые слова: марийский язык, внутренняя диаспора, московский регион, этническая идентичность, языковая лояльность, родной язык

This article is based on a sociolinguistic survey conducted by the author among the Mari diaspora in the Moscow region. The article investigates the relationship between ethnic identity and language, as well as the correlation between language loyalty and the preservation of the Mari language.

Key words: Mari language, internal diaspora, Moscow region, ethnic identity, language loyalty, native language

DOI 10.37892/2313-5816-2020-2-124-150

¹ Статья написана в рамках госзадания, тема № 0182-2019-0012 «История и структура алтайских и уральских языков».

Введение

Марийцы являются автохтонным населением Среднего Поволжья. На территории Российской Федерации проживают 547605 марийцев, из них в Республике Марий Эл — 290863 чел., остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) расселены как компактными, так и дисперсными группами во многих других регионах страны, в том числе и в московском (4655 человек [ВПН 2010]), образуя внутреннюю диаспору в рамках многонационального государства [ССТ 2006: 57].

Социолингвистическое обследование проводилось автором статьи в марийской диаспоре московского региона в декабре 2019 – мае 2020 гг. Выборка составила 106 человек. 100 респондентов относятся к первому поколению: 71 является уроженцем Республики Марий Эл (из них 58 — выходцы из районов распространения лугового марийского языка, 13 — горного), остальные — из мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан (18 чел.), Татарстан (3 чел.), Кировская (5 чел.) и Свердловская (2 чел.) области) и дисперсного (один опрошенный). В настоящее время респонденты проживают на территории Москвы или Московской области, идентифицируют себя в качестве этнических марийцев и таким образом принадлежат первому поколению марийской диаспоры; шесть респондентов родились в семьях, где оба или один из родителей является этническим марийцем, выросли в московском регионе и принадлежат второму поколению марийской диаспоры.

Целью исследования являлось выявление функционирования марийского языка в условиях внутренней диаспоры; ряд вопросов в анкете касался, в частности, таких аспектов, как этническая идентичность и языковая лояльность респондентов.

Этническая идентичность московских марийцев

Совокупность лиц определенного этнического происхождения, которая образует этническую группу (в рамках нашего исследования — внутреннюю диаспору на территории РФ) и проживает за пределами основного традиционного места расселения, объединена общим этническим самосознанием [ССТ 2006: 57].

Этническую идентичность группы определяют родовые связи [Edwards 2009: 162], общее происхождение и вследствие этого — культурное наследие [Joseph 2004: 162]; это придает глубинный смысл «названиям», с которыми себя отождествляют как отдельные индивиды, так и сама группа [Там же: 172].

Именно идентичность, то есть совокупность характеристик, таких как внешность, местные обычаи, верования, ритуалы и целый спектр повседневного поведения людей, делает членов группы узнаваемыми и похожими именно друг на друга, а не на кого-то еще, противопоставляя «нас» «им» [Crystal 2000: 39–40].

Сохранению границ группы способствуют общие объективные характеристики (язык, религия и т. д.), или более субъективные (символические) привязанности, связанные с отдаленным или недавним, однако наблюдаемым реальным прошлым, и направленные на поддержание чувства принадлежности группе, или же комбинация как объективных, так и субъективных факторов [Edwards 2009: 162].

В рамках исследования опрошенным был задан вопрос, что, по их мнению, делает их марийцами. Вопрос был открытым и допускал более одного ответа (всего было получено 149 ответов). Наибольшее число (45) пришлось на «малую родину» («родная земля», «родина», «предки», «кровь», «рождение», «корни»). 39 респондентов в выборке считают, что марийцами их делает «марийский язык». В 22 случаях была названа культура (знание истории народа, традиций,

обычаев, песен и танцев). Другие, менее значительные в количественном отношении варианты ответов включают «характер» (13), «внешность» (12), «мировоззрение» (10), «земляки» (3), «душа» (3), «ничего» (2).

Выделение такого аспекта, как *границы этнической группы*, представляется существенным с точки зрения освещения проблемы изменения ее компонентного содержания с течением времени, а также определения факторов ее сохранения (к примеру, изучение признаков, которые со временем исчезают или становятся не столь «заметными», в сравнении с теми, которые оказываются более «живучими») [Edwards 2009: 157]. Согласно теории центральных ценностей этнических культур Е. Смолича, не все элементы, однако, одинаково важны для идентификации людей как членов группы: с течением времени некоторые элементы могут быть утрачены, не подрывая стабильность группы, тогда как утрата других (так называемых центральных, идентифицирующих ценностей), имеющих символическое значение для группы и для участия в ней, приводит к распаду самой группы. Культурные группы различаются в рамках данной теории по тому, насколько они рассматривают свои языки как центральные ценности [Смолич 2012: 404–405].

Для того чтобы оценить идентичность какой-либо группы, нужно обратить внимание на ее язык, поскольку «язык является основным показателем, или символом идентичности» [Crystal 2000: 40]. Утрата группой этнического языка представляет собой изменения в культурном содержании. Но в той мере, в какой язык воспринимается членами группы в качестве ценного символического признака группы, он все же может способствовать сохранению ее границ [Edwards 2009: 157].

Достаточно высокий показатель марийского языка (второе место после «малой родины») указывает на то, что язык выступает в качестве одного из основных маркеров этнической идентичности и символа этнической самоидентификации московских марийцев.

Языковая лояльность московских марийцев

Значимость тех или иных компонентов идентичности особенно остро осознается членами группы в положении меньшинства [Смолич 2012: 424], в котором, безусловно, находятся и представители внутренней диаспоры. Именно в подобных обстоятельствах чаще всего проявляется языковая лояльность группы, то есть позитивное отношение к языку, находящемуся в негативной ситуации [Дориан 2012: 383].

Языковая лояльность выражается, в частности, в признании родным своего этнического языка [ССТ 2006: 261]. В выборке были получены следующие ответы на вопрос о том, какой язык респондент считает родным:

Табл. 1

Родной язык	Процент респондентов в выборке
марийский	81
русский	10
марийский и русский	9

Подавляющее большинство опрошенных (81 %) признали марийский родным языком, в основном это уроженцы небольших населенных пунктов в сельской местности, где этнический язык, как правило, лучше сохраняется [Беликов, Крысин 2016: 310]. Существует, однако, несколько значений понятия «родной язык»: «материнский язык» [Вахтин, Головки 2004: 74; Joseph 2004: 183], «функционально первый язык» [Беликов, Крысин 2016: 17; Агаев 1968: 36], «этнический язык» [ССТ 2006: 187] (подробнее о формировании понятия «родной язык» см. [Беликов 1997]). Ввиду многозначности данного понятия, ряд опрошенных, уроженцы средних по величине населенных пунктов, несколько затруднились при ответе: *«Родной, получается, марийский. Но так как им в принципе не пользуюсь, то русский. Но вообще, марийский*

родной, да» (Е. А., 30). «Наверное, марийский. Но я всю жизнь разговаривал на русском» (А. Б., 47). «В переписи будет однозначно марийский. Все-таки я считаю, что я прямо коренная марийка, да и по лицу сразу видно, что я марийка!» (Д. Я., 27).

Среди тех опрошенных, кто назвал родным русский (10 % в выборке), более половины являются уроженцами городской среды (Йошкар-Ола, Козьмодемьянск и поселки городского типа РМЭ). Вследствие урбанизации шансы на использование родного языка (у тех, кто в качестве родного сохраняет язык своего этноса) и вероятность передачи своего языка детям, существенно отличаются у тех, кто живет в городской или сельской среде: почти везде в качестве основного языка общения в городской среде выступает русский [Беликов, Крысин 2016: 175; также см. Joseph 2004: 185, 192]). *«Русский. Марийский — я тоже, так сказать, его понимаю, но сама я не разговариваю. Собственно, не разговаривал никогда. Просто не с кем. Не было необходимости» (А. Г., 42). «Я, наверное, все-таки считаю, что русский. С детства общение было только на русском, так и надобности изучать марийский язык я не имел» (В. С., 41).*

9 % респондентов, родившихся и выросших в городе или в ПГТ, определили два языка родными с некоторыми оговорками. С одной стороны, это аффективная привязанность к этническому языку: *«Считаю, что как бы в душе — марийский, а так — русский, ведь училась в русской школе, марийский не изучала» (С. Б., 53). «Для сердца марийский, а для головы — русский» (П. М., 29). «Мари — это родной, который у тебя в крови течет, не выходит. И как ни крути, периодически фразы на марийском всплывают. Ну, и русский, само собой» (М. С., 31).* С другой стороны, это — в редких случаях в выборке — предмет особой гордости для городского жителя: *«Два языка. Я в основном разговариваю на русском, так как я родилась в Козьмодемьянске. Но я очень хорошо разговариваю на марийском. Вообще людей, которые со мной*

знакомятся, приводит в шок, если я начинаю разговаривать. Даже мой муж не знал! Он по-марийски умеет, он тоже разговаривает, но он же жил в деревне раньше!» (Е. К., 25).

В приведенной выше цитате, с одной стороны, обозначены обстоятельства бытования марийского языка на малой родине респондентов (в городе — русский, в деревне — марийский, при том что марийский язык (горный, луговой) является наряду с русским государственным языком в РМЭ [Закон о языках в РМЭ]), а с другой стороны — наглядно демонстрируются стереотипы и предрассудки не только непосредственно респондента, но и общества в целом. И в этой связи необходимо рассмотреть второй аспект проблемы языковой лояльности, а именно — позитивные и негативные аттитюды и установки.

Степень приверженности к языку определяется совокупностью внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса [ССТ 2006: 261]. Отсутствие позитивных аттитюдов (идеологических отношений к языку, когда респонденты считают свой язык чем-то важным и признают его жизненно важную важность для выживания их группы [Смолич 2012: 406] приводит к снижению языковой лояльности и упадку языка в целом. Однако негативное отношение к языку, при котором этнический язык ассоциируется у его носителей с отсталостью или преградой на пути к повышению социального статуса, не возникает на пустом месте: индивид не рождается с чувством стыда или неуверенности в себе и в своем языке. Зачастую негативное отношение порождается доминирующей культурой, представители которой стигматизируют членов этнической группы и их язык [Crystal 2000: 84]. Об этом говорили и сами респонденты в выборке.

Во-первых, в недавнем прошлом респондентами ощущалось отрицательное отношение к марийцам: *«А еще знаете, когда мы в школе учились, как-то не особо любили марийцев. Может, так в городе было. Мы же среди другой национальности жили, которая ... их было большинство всегда».* *«В детстве,*

знаете, что еще тяжеловато было. Такой момент. Все-таки не то чтобы гнет, но как-то зажимали эту нацию! В школе раньше писали национальность. И что ребята делали? Брели журнал, смотрели, кто по национальности, и высмеивали. У нас были ребята-марийцы, в основном мальчишки-тихони, но один подстраивался под других, поддерживал ту группу, кто смеялись, и вместе смеялся, чтобы его только не трогали. У меня даже сейчас это все перед глазами. Он смеялся, что я марийка, угнетал нас» (С. Б., 53).

Во-вторых, стигматизации подвергнулся и сам марийский язык. «Раньше я не видел особенно, чтобы в городе шли и говорили на марийском языке. Я думал, что совсем только в деревнях такое может быть. Именно в моем детстве и в подростковом возрасте это было как-то стремно, считалось даже уничижительно, ну вот — колхоз» (А. Г., 42). «Девяностые годы сложные, тяжелые были. И гонения какие-то были, и у нас районы в городе есть, где хулиганы приходили и избивали, не дай Бог, будешь говорить на марийском языке. Такое было, что нельзя было говорить на марийском языке» (К. М., 41). «Одну историю расскажу. В Йошкар-Оле я с парнем, он тоже с деревни марийской, в троллейбусе едем после занятий, болтаем на марийском как раз. Вдруг залетают парни местные, городские, посмотрели на нас, что мы болтаем по-марийски. Их человек шесть. Они нас вытащили, надавали нам. — За что? — А нечего болтать на обезьяньем языке! Это 91-ый год был, кстати» (А. М., 44.)

В целом складывалась ситуация, когда и сами носители языка зачастую считали марийский «второсортным языком». «Я считаю, что именно само население, сама обстановка диктовала, что марийский язык не настолько популярен, чтобы на нем разговаривали. Даже марийцы. Молодежь, мой класс, они все разговаривали на русском. Марийский вообще не применялся, он применялся только на уроке марийского языка. Язык марийский — это скорее язык деревни. Если брать более отдаленные деревни, то там — да, а у нас было село.

С самого детства разговаривали на русском языке и как-то марийскому языку не отводили такого значимого места. Даже мои родители» (А. П., 30).

Отдельно остановимся на периоде школьного обучения. В школах (как правило, в более крупных населенных пунктах и на среднем этапе обучения) происходило деление потока учащихся на классы, в зависимости от уровня владения марийским языком (для изучения его в качестве родного или государственного). Однако административные меры, введенные в благих педагогических и учебных целях, имели свои нежелательные последствия. Некоторые респонденты отметили, что с самого начала не хотели попасть в «марийский» класс. *«Я класс “А” миновал вообще с самого начала. Когда мы пришли, у нас говорили: «По национальности кто?» — «Мари». — «А как вообще там — с русским?» — «Идеально владею!» (М. С., 31). Учащихся именно «марийского» класса воспринимали, случалось, следующим образом: «У нас четыре класса было в параллели. “А” — это марийский класс. Даже от своих одноклассников я слышал тон, с которым они пренебрежительно относились именно к классу марийцев. Потому что там были не столько ребята из деревень, которых, естественно, с деревень именно туда погружали, но он прямо вот был с акцентом на все национальное, марийское. И в этой связи все их считали немножко низшим сортом» (Д. Ш., 30). «Когда я пошел в Моркинскую среднюю школу в пятый класс, там и началось мое стеснение. Выражалось это стеснение в том, что все разговаривали на русском языке. Мне было стыдно разговаривать на своем марийском. Смотрел на своих друзей, с кем я общался и учился. То есть считалось, что я — мариец, что я деревенский, если я на марийском разговаривал. Деревенщиной называли. Колхозником. Это были скорее поселковые. Они одевались ближе к городскому образу. Поселок считался у нас как город. А я был для них деревенский. Я помню даже, что если мы ходили куда-то гулять, то нам кричали: “Иди там...*

в свою деревню, чего ты сюда пришел!” Как бы вот даже было до такого» (Р. Н., 29).

Насмешек было не избежать порой даже в том случае, когда марийский преподавался в качестве государственного, фактически факультативно в городской школе, а учащийся на уроке неожиданно блеснул знаниями марийского только потому, что дома с ним «иногда разговаривали на марийском». *«Смешанный класс был. Я даже не знаю, в каком процентном соотношении были марийцы и русские. В общем, сами марийцы особо не афишировали. На уроке, на марийском предмете, разговаривал. Например, сказал что-то, выделился. Пятерка. Ответил что-то такое непонятное для других, и некоторые смеяться начинают ... типа: “Ага, ага!” А я говорю: “А чего такого!” Было странное такое отношение. Вроде в Йошкар-Оле жили, в столице Марий Эл» (Е. А., 30).*

Немаловажными в формировании негативных аттитюдов представляются и внушения школьных педагогов, которые, на первый взгляд, совершали это из лучших побуждений. *«Я был в “А” классе, но мы на марийском еще и в средней школе разговаривали. Потому что у нас вообще русских было мало, в основном марийцы. Но как вы понимаете, в средней школе ведь в скором будущем — институт, университет, и все пытались на русском. Ну, чтобы лучше. И я — как и все! Это учителя так говорили, чтобы попроще было в университете на русском разговаривать. Когда на марийском общаешься и переходишь в русский, в города когда большие переезжаешь... ну, акцент чувствуется. Поэтому, чтобы акцента такого не было, учителя просили на русском. После девятого класса» (С. С., 31). «Да как-то вообще учителя говорили в школе, что марийский нам понадобится только до автобусной остановки — было такое» (Э. З., 45).*

В ряде случаев в выборке старшие члены семьи респондентов не только не передавали своим детям этнический язык и внутрисемейное общение выстраивалось у них по принципу «родители говорили мне на марийском, а я отвечал(а)

на русском», но и активно поощряли использование исключительно русского языка: *«С нами больше на русском, потому что у нас такой дедушка был, который говорил, что нужно разговаривать с детьми на русском языке. Потому что, если будешь больше разговаривать на марийском, будет акцент какой-то. Поэтому, чтобы лучше знать, вернее, лучше разговаривать на русском языке, с детства он приучал разговаривать. Дедушка учителем был. Вот когда мой отец рос, они еще тогда на марийском с ним разговаривали, это более... в наше современное время дед начал говорить так, осознавать что ли. Я считаю, он был прав. Но мы не забыли и свой родной язык! Марийский. Потому что бабушка с нами разговаривала на марийском. Дедушка ее не ругал, конечно, просто делал замечания»* (О. И., 30).

С переездом в город на учебу (ВУЗ, техникум) респонденты, по их свидетельству, чувствовали стеснение, которое касалось и их происхождения, и их акцента в русском (под влиянием марийского). *«Марийскую речь можно было слышать в городе, но это все-таки было как будто из деревни. В Йошкар-Оле было принято стесняться марийского. Я училась с марийцами, но были среди нас и чисто русские ребята. Они были более раскрепощенными, более образованными, что ли. Так казалось. Они были более продвинутыми. Я не испытывала какого-то угнетения с их стороны, но мне казалось, что я на уровень ниже. И по уровню знания, и по манере поведения»* (З. А., 44). *«В Благовещенске мы пользовались русским, мы стеснялись марийского. Как-то тогда было не принято особенно друг с другом разговаривать на марийском языке. Потому что мы стеснялись этого. Мы стеснялись своего акцента»* (Г. И., 60).

По словам респондентов, некоторые подростки и молодые люди, выезжающие с родителями по делам в город, испытывали подлинный стыд, когда их родители заговаривали с ними в общественном месте на марийском языке. *«Когда дети в подростковом возрасте, они даже иногда стесняются. Если вот, например, в город едешь. Мы же сами с поселка,*

с деревни как бы, и в город едешь, они говорят: “Мама, не разговаривай по-марийски!” Я говорю: “Что тут такого!”» (Т. Я., 52). «И когда мы ехали с мамой в город, для меня поездка в Йошкар-Олу была как поездка в Москву или за границу... “Мама, — говорю, — ну, не разговаривай со мной!” Не знаю, это чисто психологически было. Я помню момент, когда мы ехали в троллейбусе, помню даже номер, 12-ый маршрут. Я ей говорю: “Не разговаривай ты со мной по-марийски!” Мне было стыдно реально!» (Р. Н., 29) «В Йошкар-Оле, когда училась, конечно, стеснялась марийского. Лично для меня это выражалось в том, что, если у меня звонил телефон и это была мама, мы разговаривали по-русски. И сразу было понятно. И даже она, если со мной не по-марийски говорит, а по-русски, я понимала, что она где-то в обществе находится. Как бы... у всех так. Потому что ... над марийцами, да и вообще над меньшинством... таким народом, малым, да над ними так всегда!» (М. Ф., 30).

Однако не все респонденты в выборке испытывали стеснение или стыд. Горные марийцы, которые получали высшее или среднее образование в Йошкар-Оле, по их утверждению, в отличие от луговых и восточных, которых мы цитировали выше, никогда не стеснялись говорить на горномарийском. «В Йошкар-Оле с земляками мы общались чисто на горномарийском, на своем родном языке. Нас была целая группа. Не стеснялись. Горномарийцы ощущали себя свободно. Мы как-то держались немножко особнячком. У нас скорее всего такой менталитет, как бы он с давних временем сложился. С земляками — все время по-марийски» (Е. Ж., 56). «И когда мама приезжала, я с ней гуляю по Йошкар-Оле. В автобусе ее усажу, вожу ее по городу, показываю, где техникум, где что. И говорим по-горномарийски. И прямо вот в салоне автобуса такие одобрительные взгляды чувствую. Что я не стесняюсь, что я на марийском говорю... так гордо! Но я немножко ругаю наших культурных деятелей: артисты нашего драмтеатра Шкетана, они играли на марийском,

а все равно в жизни разговаривали по-русски. В этом плане сейчас, конечно, лучше, а я тогда уже начинала, еще до признания языков республик! Чего стесняться своего языка, если я марийка!» (В. П., 60).

Важно отметить, что многие из тех, кто рассказывал о своем стеснении, в какой-то мере его преодолели: в силу возраста, изменившихся приоритетов, мировоззрения, особых жизненных обстоятельств. Повышению уровня языковой лояльности способствовало и проживание в более крупном городе: ранее — в Казани и сейчас Москве. В первом случае респонденты, с оглядкой на татар, которые, по их словам, ревностно относятся к своей нации, языку и культуре, начинали чувствовать свою «марийскость»; в Москве это происходит совершенно естественным образом, потому что респонденты слышат речь мигрантов, представителей других этнических групп, которые «свободно болтают на своем», и сами марийцы уже не чувствуют того стеснения, которое ощущали прежде. Несомненное значение имеет и ностальгия ввиду проживания вдали от малой родины. *«Мне просто роднее марийский, мне самому нравится свой язык. Если честно, было это не всегда. Это когда я уже три года в Москве проработал, потом как-то сам по себе стал на марийском общаться. А так обычно на русском раньше общался. Скажу вам одно. Когда живешь вдали от родного гнездышка, марийский язык и республика Марий Эл все дороже и дороже, все ближе и ближе. Мои родители отнеслись к этому положительно, ведь марийский язык — наш родной язык. У меня родители — педагоги, отец был директором школы. И если теперь общаюсь на марийском, мать также отвечает на марийском»* (И. К., 36). *«У меня все равно был какой-то принцип в школьные годы, и я разговаривала только на русском. Типа я такая вот русская девочка. Вот, извините, не знаю я вашего марийского! Я, возможно, и стеснялась. Потому что у меня не получалось на марийском языке хорошо разговаривать. Сейчас, именно в последние полгода, я стала*

патриотом. Немножко переосмыслила ценности. Мне сейчас почему-то стало стыдно разговаривать с бабушкой на русском языке. Я себя поймала на этой мысли. Наверное, повзрослела. Приоритеты стали другие. Как-то хочется больше знать о марийском народе. Я вообще, наверное, сейчас жалею. И почему я не учила? И сейчас, если кто-то замечает, что я говорю на марийском, хвалят: “О, молодец!”» (В. Е., 27).

Как видим, активизация языка меньшинства и его сохранение зависят не только от лингвистической привязанности к нему соответствующей группы, не только от того, признается ли язык центральной ценностью группы, но и от того, как этот язык воспринимает большинство, от того, насколько большинство в целом терпимо к многоязычному обществу [Смолич 2012: 425].

Уровень языковой лояльности и сохранность этнического языка

Важным индикатором состояния группы является то, в какой мере она поддерживает и сознательно пропагандирует свой язык — или, напротив, в какой мере она готова от него отказаться [Вахтин, Головки 2004: 40].

В выборке боле половины опрошенных (53 %) считают, что марийский язык так или иначе понадобится лично им или их детям в будущем.

Табл. 2

Набор языков	Процент респондентов в выборке
Русский, марийский, иностранный (английский)	31
Русский и иностранный (английский)	29
Русский и марийский	16

Набор языков	Процент респондентов в выборке
Русский, английский, китайский	15
Русский, марийский, иностраннй (английский) и язык народов РФ	3
Русский, марийский, английский, китайский	3
Русский	3

При этом 93 % респондентов заявили о том, что владеют марийским языком (уровень владения языком, однако, нами не верифицировался, поскольку это не входило в задачи исследования).

Табл. 3

Набор языков, которым владеет респондент	Процент респондентов в выборке
Русский, марийский, иностраннй	40
Русский, марийский	38
Русский, марийский, татарский	8
Русский, иностраннй	5
Русский, марийский, татарский, иностраннй	4
Русский, марийский (горный), марийский (луговой)	3
Русский	2

Исходя из приведенных выше результатов, становится очевидным, что порядка 40 % респондентов в выборке, указавших на владение этническим языком, тем не менее полагают,

что знание марийского не пригодится им в будущем и они не намерены передавать его детям.

«Сейчас такой необходимости, чтоб в Москве знать марийский язык, нет» (М. К., 28). «Потому что в жизни марийский — он не нужен. Например, ты не поедешь с ним за границу, не будешь на нем разговаривать, как минимум. Он может идти как информативный, для интереса, может быть, но точно не для общения» (М. Ф., 30). «Я не принципиальный националист, чтобы там знать или не знать родные языки. Но уважать! А пользоваться тем языком, который пользуется спросом, так что ли выразиться» (А. М., 44). «В первую очередь русский необходим. Английский и китайский даже, населения-то кого больше! Я реалист, логически рассуждаю. Интуиция и расчет» (В. Ш., 69).

Одним из факторов исчезновения языков является прагматизм, при котором этнический язык сознательно не передается детям из-за его низкой практической ценности, поскольку знание этого языка не дает ни работы, ни других социальных преимуществ. Часто степень полезности родного языка резко меняется именно в ситуации миграции: в новом окружении этнический язык используется только при общении со своими земляками, тогда как в других случаях куда более полезным для него будет другой язык [Дориан 2012: 384–386].

Респондентам в выборке был также задан вопрос о том, как бы они отнеслись к идее организации в московском регионе курсов марийского языка.

Табл. 4

Организация курсов марийского языка в Москве	Процент респондентов в выборке
Отнеслись одобрительно	81
Не считают нужным	12
Затруднились с ответом	7

81 % опрошенных одобрил идею организации курсов марийского языка. Некоторые (7 %) затруднились с ответом. 12 % в выборке вовсе не одобрили подобную инициативу: *«Честно говоря, я считаю, что такой необходимости, востребованности в Москве устраивать курсы просто нет»* (В. К., 37). *«Только если у кого-то прямо душа лежит, а так, в принципе, не нужно по жизни. Это из моей практики лично. Он мне как бы не особо пригодился»* (Н. К., 32).

Лишь единицы из тех, кто положительно отнесся к идее функционирования курсов марийского языка, сообщили о том, что сами записались бы в слушатели таких курсов («потому что не знаю стопроцентно литературный язык»), стали бы преподавать (имея на то необходимую квалификацию и опыт) или отправили бы своих детей изучать марийский.

Большая часть опрошенных, однако, одобрила курсы «в целом», безотносительно к себе. *«Прекрасно! Но нам это не надо, мы язык знаем!»* (Н. В., 28). *«Конечно, хотел бы. Все, что способствует сохранению языка у диаспоры, это, безусловно, полезно. Не только полезно, но и помогает сохранять идентичность»*, — заявил один из опрошенных (И. С., 31), при этом в другом месте интервью он отметил следующее: *«Марийский язык в Москве особо не нужен, потому что здесь жизнь такая, что все быстро, везде деловой общение, поэтому, конечно же, русский язык и международные языки необходимы в будущем»*.

Инициаторами курсов, способных создать «крепкий костяк», по мнению некоторых, могли бы выступить «люди, которые имеют марийские корни, но в силу каких-то обстоятельств и ситуации не общались, не владеют языком, а вот с возрастом приходит осознание: хорошо бы знать свой родной, кровный язык. Я таких людей немало встречал. А потом они могут найти человека, а таких людей немало, кто знает марийский язык, кто учился в республике и знает письменный, литературный язык» (В. Н., 67).

Основной фокус-группой курсов, по мнению опрошенных, стали бы марийцы (не сами респонденты или члены их семьи, друзья и знакомые, а именно достаточно «абстрактные», «другие» марийцы. *«Просто очень много марийцев, которые в принципе марийский не знают, давно живут в Москве не в первом поколении, есть, наверное, такие запросы»* (Н. В., 28). *«Клич бросить: “Вы же в Москве живете! А дети как же?” Потому что многие родители, как я, если упустили, не научили своих детей вовремя, глядишь, кто-то бы и ходил!»* (В. П., 60).

Некоторые участники опроса, впрочем, высказали сомнения: *«Больше, наверное, люди в возрасте пришли бы. Лет пятьдесят. Молодежь-то не интересуется»* (О. И., 30). *«На самом деле, хотел бы курсы. Но народ не пошел бы. Этот язык, в принципе, он не нужен, не актуальный. На уроки марийского языка вряд ли бы кто-то пришел»* (Р. Н., 29). *«Молодежь все-таки думает, что марийский — вымирающий язык. А для того чтобы он не вымирал, нужно, соответственно, детей учить. А чтобы детей учить, нужно, чтобы у родителей было желание. Не у всех родителей есть желание, живя в таких больших городах, как Москва, чтобы их дети знали марийский. Нет такой необходимости. Все исходит из семьи в первую очередь!»* (М. К., 28). *«Было бы хорошо, если бы московские марийцы привлекали своих детей, подрастающее поколение. Но надо заинтересовать. Но как заинтересовать, если и сами московские марийцы больно не владеют? Просто они, когда в землячестве начинают языковые споры, всегда считают, что виновато в этом правительство. “Ребята! — говорю я. — Это вы виноваты! Виноваты мы сами. Потому что культура, язык — это идет из семьи! Воспитание идет из семьи. Твой ребенок — это копия тебя, списанная с тебя”»* (Н. Ш., 41).

Отвечая на вопрос о том, как передать детям марийский, респонденты неоднократно подчеркивали, что стали бы «приучать» детей к этническому языку только по достижении ими

определенного возраста (после того как дети начнут хорошо говорить по-русски; это одно из самых распространенных убеждений) и главное — только в том случае, если «это будет выбор ребенка» и он сам этого захочет. Этот аргумент представляется нам наиболее полемичным, поскольку он касается языкового выбора или скорее «невыбора»: индивиду трудно выбирать язык(и), на которых проходит в детстве его социализация и обучение. Этот выбор совершают за ребенка взрослые, ответственные за его социализацию и обучение, они же определяют и его окружение [Wright 2016: 282]. Наконец, как ожидается, ребенку «это должно быть интересно», обычно интерес возникает в двух ситуациях: дома, когда он слышит, как на этом языке общаются взрослые, или во время пребывания в марийской деревне, на малой родине родителей. Многие действительно связывают свои надежды с марийской деревней, хотя и там, по общим наблюдениям, наметилась тенденция к сужению использования этнического языка.

Обобщенно это было высказано одной из наших респонденток: *«Сейчас необходим русский, конечно, и английский. Не думаю, что марийский прямо необходим. Они в деревню ездят, на русском там только говорят. Ну, не знаю, по желанию. Если они захотят, я, конечно, тогда буду их учить. Как получится! Марийский у меня дочка знает чуть-чуть. Ей интересно: “Мама, а как вот по-марийски? А вот это?” И она вот так интересуется, я ей говорю, она запоминает что-то. Этот ее интерес из деревни, скорее всего. Я стараюсь им по-марийски говорить. Но они-то не понимают, потому что мне дома не с кем разговаривать по-марийски!»* (О. М., 36).

Значительная часть респондентов с детства усвоила модель речевого поведения, согласно которой взрослые разговаривали на марийском исключительно друг с другом, ребенку отводилась роль слушающего, поскольку к нему обращались по-русски — к сожалению, всерьез ребенка как активного

участника коммуникации они не рассматривали. «У меня не было периода в жизни, когда я бы говорил на марийском языке. Я был приемником, не передатчиком. То есть на слух воспринимаю только. Откуда я слышал марийский? Их всего две, этих ситуаций. Дома, от бабушки с мамой. И в школе. От учительницы. Потому что изначально у меня как бы не был установлен драйвер на марийский язык» (Д. Ш., 30). Некоторые, правда, считают эту модель вполне жизнеспособной: «Но я сам-то как-то ведь научился! Не совсем, конечно, хорошо» (П. Ф., 29).

В целом ожидания респондентов сводятся к тому, чтобы их дети или внуки умели «танцевать, плясать и петь по-марийски», «понимать марийскую речь, даже если и не говорить». В этих ожиданиях, однако, нет элемента новизны, это отражение опыта самих респондентов, выходцев из городской среды: «Родители со мной на русском. Бабушка и дед преимущественно на русском. Но опять же это довольно гибко: там были элементы немножко марийские. Они меня сразу научили плясать по-марийски, и немножко марийскую речь я слышал. В деревне на культурных мероприятиях, где-то в частушках у бабушек слышал часто» (И. С., 31).

Резюмируя, приведем размышления одного из респондентов: «Знание родного языка — это тоже, наверное, обязательно. Я бы сказал так. Хотя у меня дочка, у нее этот язык не прилепился никак. Это очень редкий случай, когда где-то язык зацепится, когда приезжают с больших городов. Но вот в Москве есть какие-то единичные случаи, когда в три-четыре года знают марийский, но это очень редкость большая ужже. Очень фанатично надо заниматься» (Ю. М., 60).

Таким образом, становится очевидным, что высокая степень языковой лояльности группы в целом не гарантирует и «не может предсказать уровень успешности в сохранении языка» [Дориан 2012: 397; см. также Agranat 2019].

Этническая идентичность и языковая лояльность во втором поколении марийской диаспоры

Во втором поколении в выборке (шесть человек) были получены следующие результаты.

На вопрос о том, какой язык респонденты считают родным, во всех случаях был назван «русский». *«Для меня русский. А марийский — наверное, просто в душе что-то родное. У нас там родственники, некоторые говорят на марийском, поэтому какое-то место он занимает, но не главное»* (П. М., 19).

Среди языков, которыми респонденты владеют, были названы «русский, марийский, английский» (пять человек) и «русский» (один опрошенный). При этом владение марийским указано с оговорками: *«Не особо разговариваю, так как я не умею — все эти спряжения, не могу правильно говорить, у меня проблемы. Просто знаю слова, говорить-то на нем я не могу. Неправильно говорю. Я понял это, когда в деревне пытался практиковать его, зачастую надо мной смеялись более старые люди, мои родители и родственники. Ну, я понял, что мне не стоит на нем разговаривать, я могу разговаривать на русском: они меня поймут»* (Д. П., 17).

В наборе языков, которые могут понадобиться им в будущем, ни один из опрошенных не назвал марийский язык (был назван вариант «русский» и «иностранный (английский)»).

Наконец, по словам всех респондентов, марийцами их делает «родина» («кровь», «родители», «родственники»). Лишь один опрошенный дополнительно указал «язык» и «традиции» в качестве критерия принадлежности.

Скромная по своей репрезентативности выборка во втором поколении отчасти объясняется нежеланием респондентов первого поколения (особенно более старшего возраста) предоставить для опроса контакты своих детей, родившихся уже в московском регионе; среди причин были уклончиво названы нехватка времени, занятость, наличие детей и пр.

Основная причина, по-видимому, кроется в следующем: отвечая на вопрос об этнической принадлежности сына, одна из респонденток сказала: «Он русский. Он не знает марийского языка».

На основе полученных выше данных можно заключить, что этническая идентичность во втором поколении марийской диаспоры меняется. В природе языка и этничности нет ничего имманентного, они могут изменяться, могут быть гибридными и многослойными; крайне важно, насколько сама группа рассматривает язык в качестве существенного компонента своей идентичности [Wright 2016: 280–282].

В отношении марийцев поясним это на конкретном примере. В ходе обследования автору статьи довелось неоднократно слышать от респондентов выражение «марий ватын руш ўдыржӧ» (другой вариант — «мари куван руш ўдыржӧ»)² — «русская дочка марийской женщины»: «Знаете, как говорят марийцы: “мари куван руш ўдыржӧ”, если дословно — “марийской женщины русская дочка”: то есть их родители на самом деле марийцы, и мои родители с ними говорят по-марийски, но дети считают себя русскими почему-то. И для меня это непонятно, я возмущалась всегда, когда говорили, что “я русский или русская”: “Но у тебя же родители марийцы! Как ты можешь быть русской, если у тебя родители как бы из деревни недавно переехали, какой ты русский?” Сказать, что ты русский, было, конечно,

² Респондент — уроженец Сернурского района РМЭ. В другом варианте, уроженки Мари-Турекского района РМЭ, прозвучало: «марий ватын руш ўдыржӧ» (‘русская дочка марийской женщины’) и «марий ватын руш эргыже» (‘русский сын марийской женщины’). Примечательно, что данные выражения прозвучали из уст луговых марийцев. По утверждению респондентки-горномарийки, «выражение — русская дочка марийской женщины — это про луговых, а у нас совсем другое! У нас это с детства, с молоком матери что ли: я везде прихожу и говорю, что я — горная марийка» (А.С., 29).

престижнее. У меня сестренка есть двоюродная, она в городе прямо выросла, в Йошкар-Оле с русским языком, и для нее все это — марийцы, марийский язык было как-то все ... ну, не про нее. Вот она как раз и была мари куван руш удыржб!» (Д. Я., 27). «Мой муж мариец, но он плохо говорит по-марийски, только понимает почти. Можно сказать, что он русский сын марийской женщины. Это не обидно, это скорее факт такой. Реалии жизни» (М. Ф., 30).

Бытование выражения, возникшего в среде самих марийцев и метко характеризующего «реалии жизни» применительно к городским детям РМЭ, косвенно указывает на то, что этнический язык является для марийцев важным маркером идентичности, принадлежности группе; с утратой индивидом марийского изменяется и идентичность как в глазах самого индивида, так и в восприятии его окружающими.

Это в полной мере относится и к представителям второго поколения марийской диаспоры, даже к тем, кто идентифицирует себя в качестве этнического марийца. Действительно, идентификация с малой родиной может быть очень сильной и поддерживаться через религиозные практики или культурные традиции. Однако утрата группой этнического языка в ситуации миграции, несомненно, затрагивает идентичность, поскольку новое языковое поведение окажет воздействие на характер контактов [Wright 2016: 280–282].

Выводы

В заключение отметим: этнический язык, по мнению московских марийцев, является одним из основных признаков принадлежности к этнической группе (39 %). Опрошенные рассматривают язык в качестве «стержня своей культуры» [Смолич 2012: 429]. «Человек, по национальности мари, он должен знать свой родной язык, язык родителей своих и свою культуру. Если человек не знает этого, значит, он полностью не знает себя» (В. Н., 33).

Респонденты в первом поколении в выборке демонстрируют высокий уровень языковой лояльности. 81 % опрошенных признал родным марийский язык, 9 % — марийский и русский; многие из респондентов, по их словам, преодолели стеснение, которое они испытывали в прошлом в отношении этнического языка, частично это связано с проживанием в мегаполисе, в условиях полилингвального и поликультурного пространства московского региона. 81 % одобрил бы идею организацию курсов марийского языка.

Однако высокий уровень лояльности не гарантирует успешного сохранения этнического языка в группе: 93 % заявили о владении марийским, при этом лишь 53 % полагают, что марийский понадобится им или их детям в будущем. Кроме того, из тех респондентов, которые одобрили инициативу создания языковых курсов, только незначительное число стали бы их посещать сами или с детьми. Во втором поколении диаспоры родным языком был признан русский, ведущим признаком этнической идентификации названы «корни». Межпоколенная передача этнического языка в семье, очевидно, является слишком слабой, и ожидания по передаче языка детям возлагаются респондентами на марийскую деревню. Малая выборка второго поколения отчасти объясняется тем, что основной костяк марийской диаспоры составляют представители первого поколения; их дети, родившиеся и выросшие в московском регионе, в большинстве своем являются «русскими дочерьми и сыновьями марийских женщин».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что московские марийцы признают центральную роль языка в формировании «полноценного культурного самосознания» и сохранение этнического языка неотделимо для них от сохранения группового самосознания [Смолич 2012: 427–428], при этом респонденты не прилагают значительных усилий по передаче языка детям. Во втором поколении диаспоры

утрата этнического языка со всей вероятностью приводит к «выхолащиванию» других центральных, идентифицирующих культурных ценностей и как следствие — к размыванию границ группы.

Литература

Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // *Язык и общество*. Москва, 1968, 124–138.

Беликов В. И. Надежность советских этнодемографических данных // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. Сборник статей. оставители А. И. Кузнецова, О. В. Раевская, С. С. Скорвид, Москва, 1997, 12–43.

Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2016.

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. *Социолингвистика и социология языка*. Москва, 2004.

Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm_

Грачева Ф. Т. Марийский горный язык // *Языки Российской Федерации и соседних государств*. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. Москва, 2001, 266–274.

Дориан Н. *Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта*. *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Пер. с англ. Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Санкт-Петербург, 2012, 382–401.

Закон о языках в Республике Марий Эл. URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf_

Коведяева Е. В., Николаева И. А. Марийский лугово-восточный язык // *Языки Российской Федерации и соседних государств*. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. Москва, 2001, 274–283.

Словарь социолингвистических терминов. Москва, 2006.

Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Пер. с англ. Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Санкт-Петербург, 2012, 402–432.

Agranat T. The Categorization of the Languages in Ingria and the Language Loyalty of their Native Speakers // Moskvitcheva S., Viaut A. (eds.) *Minority Languages from Western Europe and Russia*. Language Policy, vol. 21, 69–80.

Crystal D. *Language death*. Cambridge, 2000.

Edwards J. *Language and Identity*. Cambridge University Press, 2009.

Joseph J. E. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Palgrave Macmillan, 2004.

Wright S. *Language Policy and Language Planning*. Palgrave Macmillan, 2016.

References

Agaev A. G. *Funktsii yazyka kak etnicheskogo priznaka* // *Yazyk i obshchestvo*. Moskva, 1968, 124–138. (In Russ.)

Agranat T. The Categorization of the Languages in Ingria and the Language Loyalty of their Native Speakers // Moskvitcheva S., Viaut A. (eds.) *Minority Languages from Western Europe and Russia*. Language Policy, vol. 21, 69–80.

Belikov V. I. Nadezhnost' sovetskikh etnodemograficheskikh dannyykh // *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt*. Sbornik statei. ostaviteli A. I. Kuznetsova, O. V. Raevskaya, S. S. Skorvid, Moskva, 1997, 12–43 (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2016. (In Russ.)

Crystal D. *Language death*. Cambridge, 2000.

Dorian N. *Utrata i sokhraneniye yazyka v situatsiyakh yazykovogo kontakta*. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka*. Khrestomatiya. Per. s angl. Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Санкт-Петербург, 2012, 382–401. (In Russ.)

Edwards J. *Language and Identity*. Cambridge University Press, 2009.

Gracheva F. T. Mariiskii gornyi yazyk // *Yazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv*. Entsiklopediya v 3-kh tomakh. T. II. Moskva, 2001, 266–274. (In Russ.)

Joseph J. E. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Palgrave Macmillan, 2004.

Kovedyaeva E. V., Nikolaeva I. A. Mariiskii lugovovostochnyi yazyk // *Yazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv*. Entsiklopediya v 3-kh tomakh. T. II. Moskva, 2001, 274–283. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. Moskva, 2006. (In Russ.)

Smolich E. Yazyki men'shinstv kak tsentral'nye tsennosti etnicheskikh kul'tur // *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka*. Khrestomatiya. Per. s angl. Otv. red. N. B. Vakhtin. Sankt-Peterburg, 2012, 402–432. (In Russ.)

Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka*. Moskva, 2004. (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm. (In Russ.)

Wright S. *Language Policy and Language Planning*. Palgrave Macmillan, 2016.

Zakon o yazykakh v Respublike Marii El. URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf. (In Russ.)

Куцаева Марина Васильевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Kutsaeva Marina Vasilievna
Institute of Linguistics RAS
Moscow, Russia
marina.kutsaeva@iling-ran.ru